

ВЛАДИМИР

НАБОКОВ

Трагедия господина Морна

Пьесы

Лекции о драме

Дедушка
Владимир Набоков

Аннотация
Дедушка
Примечания

Аннотация

Пьеса написана в июне 1923 г. в имении Домэн де Больё, Солье-Пон (вблизи Тулона), где Набоков работал на фруктовых плантациях друга В. Д. Набокова Соломона Крыма (N84. P. 287).

Дедушка

Драма в одном действии

Действие происходит в 1816 году{1}, во Франции, в доме зажиточной крестьянской семьи. Просторная комната, окнами в сад. Косой дождь. Входят хозяева и незнакомец.

ЖЕНА:

…Пожалуйста. Тут наша
гостиная…

МУЖ:

Сейчас мы вам вина
дадим.

(К дочке.)

Джульетта, сбегай в погреб, — живо!

ПРОХОЖИЙ:

(озирается)

Ах, как у вас приятно…

{1} Комментарии: 1

Действие происходит в 1816 году… — Не раз отмечалось, что короткие пьесы Набокова в общем ориентированы на «Маленькие трагедии» Пушкина; исследователями и комментаторами, однако, не вскрывались отсылки Набокова к ним. В 1816 г. написана трагедия Джона Уильсона «The City of the Plague», четвертую сцену первого акта которой Пушкин использовал для создания «Пира во время чумы».

МУЖ:

Вы садитесь, —
сюда...

ПРОХОЖИЙ:

Свет... Чистота... Резной баул
в углу, часы стенные с васильками
на циферблате...

ЖЕНА:

Вы не вымокли?

ПРОХОЖИЙ:

Нисколько!
Успел под крышу заскочить... Вот ливень
так ливень! Вас я не стесняю? Можно
здесь переждать? Как только перестанет...

МУЖ:

Мы рады, рады...

ЖЕНА:

Вы из наших мест?

ПРОХОЖИЙ:

Нет — странник я... Недавно лишь вернулся
на родину. Живу у брата, в замке
де Мэриваль... Недалеко отсюда...

МУЖ:

А, знаем, знаем...

(К дочке, вошедшей с вином.)

Ставь сюда, Джульетта.
Так. Пейте, сударь. Солнце, — не вино!

ПРОХОЖИЙ:

(чокается)

За ваше... Эх, душистое какое!

И дочь у вас — хорошая... Джульетта, душа, где твой Ромео?

ЖЕНА:

(смеется)

Что такое —
"Ромео"?

ПРОХОЖИЙ:

Так... Она сама узнает
когда-нибудь...

ДЖУЛЬЕТТА:

Вы дедушку видали?

ПРОХОЖИЙ:

Нет, не видал.

ДЖУЛЬЕТТА:

Он — добрый...

МУЖ:

(к жене)

Где он, кстати?

ЖЕНА:

Спит у себя — и чмокает во сне,
как малое дитя...

ПРОХОЖИЙ:

Он очень стар —
ваш дедушка?

МУЖ:

Лет семьдесят, пожалуй...
Не знаем мы...

ЖЕНА:

Ведь он нам не родня:
мы дедушкой его прозвали сами.

ДЖУЛЬЕТТА:

Он — ласковый…

ПРОХОЖИЙ:

Но кто же он?

МУЖ:

Да то-то
оно и есть, что мы не знаем… Как-то,
минувшею весною, появился
в деревне старец, — видно, издалека.
Он имени не помнил своего,
на все вопросы робко улыбался…
Его сюда Джульетта привела.
Мы накормили, напоили старца:
он ворковал, облизывался, жмурясь,
мне руку мял с блаженною ужимкой, —
а толку никакого: видно, разум
в нем облысел… Его мы у себя
оставили, — Джульетта упросила…

И то сказать: он неженка, сластена…
Недешево обходится он нам.

ЖЕНА:

Не надо, муж, — он — старенький…

МУЖ:

Да что же, —
я ничего… так, — к слову… Пейте, сударь!

ПРОХОЖИЙ:

Спасибо, пью; спасибо… Впрочем, скоро
домой пора… Вот дождь… Земля-то ваша
задышит!

МУЖ:

Слава Богу! Только это
одна игра — не дождь. Глядите, солнце
уж сквозь него проблескивает… эх!..

ПРОХОЖИЙ:

Дым золотой... Как славно!

МУЖ:

Вот вы, сударь,
любуетесь — а нам-то каково?
Ведь мы — земля. Все думы наши — думы
самой земли... Мы чувствуем, не глядя,
как набухает семя в борозде,
как тяжелеет плод... Когда от зноя
земля горит и трескается, — так же
у нас ладони трескаются, сударь!
А дождь пойдет — мы слушаем тревожно —
и молим про себя: "шум, свежий шум,
не перейди в постукиванье града!.."
И если этот прыгающий стук
об наши подоконники раздастся, —
тогда, тогда мы затыкаем уши,
лицо в подушки прячем, — словно тру-

сы
при перестрелке дальней! Да — немало
у нас тревог... Недавно вот — на груше
червь завелся — большущий, в бородавках,
зеленый черт! А то — холодной сыпью
тля облепит молоденькую ветвь...
Вот и крутись!

ПРОХОЖИЙ:

Зато какая гордость
для вас, какая радость, — получать
румяное, душистое спасибо
деревьев ваших!

ЖЕНА:

Дедушка — вот тоже —
прилежно ждет каких-то откровений,
прикладывая ухо то к коре,
то к лепестку... Мне кажется, — он верит,
что души мертвых в лилиях, в череш-

нях
потом живут.

ПРОХОЖИЙ:

Не прочь я был бы с ним
потолковать... люблю я этих нежных
юродивых...

ЖЕНА:

Как погляжу на вас —
мне ваших лет не высчитать. Как будто
не молоды, а вместе с тем... не знаю...

ПРОХОЖИЙ:

А ну прикиньте, угадайте.

МУЖ:

Мирно
вы прожили, должно быть. Ни морщинки
на вашем лбу...

ПРОХОЖИЙ:

Какое — мирно!

(Смеется.)

Если б
все записать... Подчас я сам не верю
в свое былое! От него пьянею,
как вот — от вашего вина. Я пил
из чаши жизни залпами такими,
такими... Ну и смерть порой толкала
под локоть... Вот, — хотите вы послушать
рассказ о том, как летом, в девяносто
втором году, в Лионе, господин
де Мэриваль, — аристократ, изменник,
и прочее, и прочее — спасен был
у самой гильотины?

ЖЕНА:

Расскажите,
мы слушаем...

ПРОХОЖИЙ:

Мне было двадцать лет
в тот буйный год. Громами Трибунала
я к смерти был приговорен, — за то ли,
что пудрил волосы[{2}]*, иль за приставку*
пред именем моим, — не знаю: мало ль,
за что тогда казнили... В тот же вечер
на эшафот я должен был явиться, —
при факелах... Палач был, кстати, ловкий,
старательный: художник, — не палач.
Он своему парижскому кузену
все подражал, — великому Самсону[{3}]*:*
такую же тележку он завел

{2} Комментарии: 2

Громами Трибунала /я к смерти был приговорен — за то ли, / что пудрил волосы... — Имеется в виду революционный трибунал, орган Якобинской диктатуры, каравший не только тех, кто надеялся воскресить старый порядок, но и тех, кто своим поведением или видом всего лишь напоминал о нем.

{3} Комментарии: 3

Самсон — точнее, Сансон Шарль-Анри (1740–1793) — потомственный парижский палач, казнивший Людовика XVI и умерший в том же году.

и головы отхваченные — так же
раскачивал, за волосы подняв…
Вот он меня повез. Уже стемнело,
вдоль черных улиц зажигались окна
и фонари. Спиною к ветру сидя
в тележке тряской и держась за грядки
застывшими руками — думал я, —
о чем? — да все о пустяках каких-то, —
о том, что вот — платка не взял с собою,
о том, что спутник мой — палач — похож
на лекаря почтенного… Недолго
мы ехали. Последний поворот —
и распахнулась площадь, посредине
зловеще озаренная… И вот,
когда палач, с какой-то виноватой
учтивостью, помог мне слезть с тележки —
и понял я, что кончен, кончен путь,
тогда-то страх схватил меня под горло…

И сумрачное уханье толпы, —
глумящейся, быть может, (я не слышал), —
движенье конских крупов, копья, ветер,
чад факелов пылающих — все это
как сон пошло, и я одно лишь видел,
одно: там, там, высоко в черном небе,
стальным крылом косой тяжелый нож
меж двух столбов висел, упасть готовый,
и лезвие, летучий блеск ловя,
уже как будто вспыхивало кровью!
И на помост, под гул толпы далекой,
я стал всходить — и каждая ступень
по-разному скрипела. Молча сняли
с меня камзол и ворот до лопаток
разрезали… Доска была, — что мост
взведенный: к ней — я знал — меня привяжут,
опустят мост, со стуком вниз качнусь,
между столбов ошейник деревянный

меня захлопнет, — и тогда, тогда-то
смерть, с грохотом мгновенным, ух-
нет сверху!
И вот не мог я проглотить слюну,
предчувствием ломило мне затылок,
в висках гремело, разрывалась грудь
от трепета и топота тугого, —
но, кажется, я с виду был спокоен...

ЖЕНА:

О, я кричала бы, рвалась бы, — криком
пощады я добилась бы... Но как же,
но как же вы спаслись?

ПРОХОЖИЙ:

Случилось чудо...
Стоял я, значит, на помосте, рук
еще мне не закручивали. Ветер
мне плечи леденил... Палач веревку
какую-то распутывал. Вдруг — крик:
"Пожар!" — и в тот же миг всплеснуло
пламя

из-за перил, и в тот же миг шатались
мы с палачом, боролись на краю
площадки... Треск, — в лицо пахнуло жаром,
рука, меня хватавшая, разжалась, —
куда-то падал я, кого-то сшиб,
нырнул, скользнул в потоки дыма, в бурю
дыбящихся коней, людей бегущих, —
"Пожар! пожар!" — все тот же бился крик,
захлебывающийся и блаженный!
А я уже был далеко! Лишь раз
я оглянулся на бегу и видел —
как в черный свод клубился дым багровый,
как запылали самые столбы
и рухнул нож, огнем освобожденный!

ЖЕНА:

Вот ужасы!..

МУЖ:

Да! Тот, кто смерть увидел,
уж не забудет... Помню, как-то воры
в сад забрались. Ночь, темень, жутко...
Снял я
ружье с крюка...

ПРОХОЖИЙ:

(задумчиво перебивает)

Так спасся, — и сразу
как бы прозрел: я прежде был рассеян,
и угловат, и равнодушен... Жизни,
цветных пылинок жизни нашей милой
я не ценил — но, увидав так близко
те два столба, те узкие ворота
в небытие, те отблески, тот сумрак...
И Францию под свист морского ветра
покинул я, и Франции чуждался,
пока над ней холодный Робеспьер
зеленоватым призраком маячил, —
пока в огонь шли пыльные полки

за серый взгляд и челку Корсиканца{4}*...*
Но нелегко жилось мне на чужбине:
я в Лондоне угрюмом и сыром
преподавал науку поединка.
В России жил, играл на скрипке в доме
у варвара роскошного... Затем
по Турции, по Греции скитался.
В Италии прекрасной голодал.
Видов видал немало. Был матросом,
был поваром, цирюльником, портным —
и попросту — бродягой... Все же ныне
благодарю я Бога ежечасно
за трудности, изведанные мной, —
за шорохи колосьев придорожных,
за шорохи и теплое дыханье
всех душ людских, прошедших близ меня...

МУЖ:

Всех, сударь, всех? Но вы забыли душу

{4} Комментарии: 4
Корсиканец — прозвище Наполеона Бонапарта, уроженца Корсики.

того лихого мастера, с которым
вы встретились, тогда — на эшафоте...

ПРОХОЖИЙ:

Нет, не забыл. Через него-то мир
открылся мне. Он был ключом, — невольно...

МУЖ:

Нет, — не пойму...

(Встает.)

До ужина работу
мне кончить надо... Ужин наш — нехитрый...
Но может быть...

ПРОХОЖИЙ:

Что ж — я не прочь...

МУЖ:

Вот ладно!

Уходит.

ПРОХОЖИЙ:

Простите болтуна... Боюсь — докучен был мой рассказ...

ЖЕНА:

Да что вы, сударь, что вы...

ПРОХОЖИЙ:

Никак, вы детский чепчик шьете?..

ЖЕНА:

(смеется)

Да.

Он к рождеству, пожалуй, пригодится...

ПРОХОЖИЙ:

Как хорошо...

ЖЕНА:

А вот другой младенец...
вон там, в саду...

ПРОХОЖИЙ:

(смотрит в окно)

А, — дедушка... Прекрасный
старик... Весь серебрится он на солнце.
Прекрасный... И мечтательное что-то
в его движеньях есть. Он пропускает
сквозь пальцы стебель лилии — нагнувшись
над цветником, — лишь гладит, не срывает,
и нежною застенчивой улыбкой
весь озарен...

ЖЕНА:

Да, лилии он любит, —
ласкает их и с ними говорит.
Для них он даже имена придумал, —

каких-то все маркизов, герцогинь...

ПРОХОЖИЙ:

Как хорошо... Вот он, верно, мирно
свой прожил век, — да, где-нибудь в деревне,
вдали от бурь гражданских и иных...

ЖЕНА:

Он врачевать умеет... Знает травы
целебные. Однажды дочку нашу...
Врывается Джульетта с громким хохотом.

ДЖУЛЬЕТТА:

Ах, мама, вот умора!..

ЖЕНА:

Что такое?

ДЖУЛЬЕТТА:

Там... дедушка... корзинка... Ах!..

(Смеется.)

ЖЕНА:

Да толком
ты расскажи...

ДЖУЛЬЕТТА:

Умора!.. Понимаешь,
я, мама, шла, — вот только что — шла садом
за вишнями, — а дедушка увидел,
весь съежился — и хвать мою корзинку —
ту, новую, обитую клеенкой
и уж запачканную соком — хвать! —
и как швырнет ее — да прямо в речку —
Ее теперь теченьем унесло.

ПРОХОЖИЙ:

Вот странно-то... Бог весть мосты какие
в его мозгу раскидывает мысль...
Быть может... Нет...

(Смеется.)

Я сам порою склонен
к сопоставленьям странным... Так — корзинка,
обитая клеенкой, покрасневшей
от ягод — мне напоминает... Тьфу!
Какие бредни жуткие! Позвольте
не досказать...

ЖЕНА:

(не слушая)

Да что он, право... Папа
рассердится. Ведь двадцать су — корзина.

Уходит с дочкой.

ПРОХОЖИЙ:

(смотрит в окно)

Ведут, ведут... Как дуется старик
забавно. Впрямь — обиженный ребенок...

Возвращаются с дедушкой.

ЖЕНА:

Тут, дедушка, есть гость у нас… Смотри
какой…

ДЕДУШКА:

Я не хочу корзинки той. Не надо
таких корзинок…

ЖЕНА:

Полно, полно, милый…
Ее ведь нет. Она ушла. Совсем.
Ну успокойся… Сударь, вы его
поразвлеките… Нужно нам идти
готовить ужин…

ДЕДУШКА:

Это кто такой?
Я не хочу…

ЖЕНА:

(в дверях)

Да это гость наш. Добрый.
Садись, садись. А он какие сказки
нам рассказал, — о палаче в Лионе,
о казни, о пожаре!.. Ай, занятно.
Вы, сударь, — повторите.

Уходит с дочкой.

ДЕДУШКА:

Что такое?
Что, что она сказала? Это странно…
Палач, пожар…

ПРОХОЖИЙ:

(в сторону)

Ну вот, перепугался…
Эх, глупая, зачем сказала, право…

(Громко.)

Я, дедушка, шутил… Ответь мне лучше

—

о чем беседуешь в саду, — с цветами,
с деревьями? Да что же ты так смотришь?

ДЕДУШКА:

(пристально)

Откуда ты?

ПРОХОЖИЙ:

Я — так, — гулял...

ДЕДУШКА:

Постой,
постой, останься тут, сейчас вернусь я.

Уходит.

ПРОХОЖИЙ:

(ходит по комнате)

Какой чудак! Не то он всполошился,
не то он что-то вспомнил... Неприят-

но

и смутно стало мне, — не понимаю...

Вино тут, видно, крепкое...

(Напевает.)

Тра-рам,

тра-ра... Да что со мною? Словно —

какое-то томленье... Фу, как глупо...

ДЕДУШКА:

(входит)

А вот и я... Вернулся.

ПРОХОЖИЙ:

Здравствуй, здравствуй...

(В сторону.)

Э, — он совсем веселенький теперь!

ДЕДУШКА:

(переступает с ноги на ногу, заложив руки за спину)

Я здесь живу. Вот в этом доме. Здесь

мне нравится. Вот — например — смотри-ка, —
какой тут шкаф…

ПРОХОЖИЙ:

Хороший…

ДЕДУШКА:

Это, знаешь, —
волшебный шкаф. Что делается в нем, что делается!.. В скважинку, в замочек,
взгляни-ка… а?

ПРОХОЖИЙ:

Волшебный? Верю, верю…
Ай, шкаф какой!.. Но ты мне не сказал про лилии: о чем толкуешь с ними?

ДЕДУШКА:

Ты — в скважинку…

ПРОХОЖИЙ:

Я вижу и отсюда...

ДЕДУШКА:

Нет, — погляди вплотную...

ПРОХОЖИЙ:

Да нельзя же, —
стол — перед шкафом, стол...

ДЕДУШКА:

Ты... ляг на стол,
ляг... животом...

ПРОХОЖИЙ:

Ну право же, — не стоит.

ДЕДУШКА:

Не хочешь ты?

ПРОХОЖИЙ:

...Смотри, — какое солнце!
И весь твой сад блестит, блестит...

ДЕДУШКА:

Не хочешь?
Жаль... Очень жаль. Там было бы, пожалуй,
удобнее...

ПРОХОЖИЙ:

Удобней? Для чего же?

ДЕДУШКА:

Как — для чего?..

(Взмахивает топором, который держал за спиною.)

ПРОХОЖИЙ:

Брось! Тише!

(Борются.)

ДЕДУШКА:

Нет... Стой... Не надо
мешать мне... Так приказано... Я должен...

ПРОХОЖИЙ:

(сшибает его)

Довольно!
...Вот оно — безумье!.. Ох...
Не ожидал я... Мямлил да мурлыкал —
и вдруг...
Но что я? Словно — это раз
уж было... или же приснилось? Так же,
вот так же я боролся... Встань! Довольно!
Встань... Отвечай... Как смотрит он, как смотрит!
А эти пальцы, — голые, тупые...
Ведь я уже их... видел! Ты ответишь,
добьюсь я! Ах, как смотрит...

(Наклоняется над лежащим.)

...Нет... — не скажет...

ДЖУЛЬЕТТА:

(в дверях)

Что сделали вы с дедушкой...

ПРОХОЖИЙ:

Джульетта...
ты... уходи...

ДЖУЛЬЕТТА:

Что сделали вы...

Занавес

Июнь. 1923

Примечания

Дедушка Драма в одном действии

Впервые: Руль. 1923. 14 октября.

Пьеса написана в июне 1923 г. в имении Домэн де Больё, Солье-Пон (вблизи Тулона), где Набоков работал на фруктовых плантациях друга В. Д. Набокова Соломона Крыма (N84. P. 287).

А. Бабиков